

Секция 2

М. В. Булавиш

Нижегородский педагогический институт

Политическая позиция Русской Православной Церкви в период гражданской войны

Всякая война представляет собой сложное явление духовной жизни, далеко выходящее за рамки социально-экономических процессов, военных побед и поражений. С особенным основанием это утверждение применимо по отношению к войнам гражданским, в том числе гражданской войне в России. Советская историография, а равно и литература пропагандистско-атеистического направления придерживалась тезиса о крайней враждебной по отношению к советской власти позиции Православной Церкви в целом и ее патриарха Тихона, в частности. “Прямая, активная поддержка церковью контрреволюции, – писал Ем. Ярославский, – вот чем характеризуется отношение церкви к революции”. Именно обвинение в поддержке церковью белых армий стало одним из основных на “церковных процессах” 20-х гг. Между тем реальность была значительно более сложной, а истинная политическая линия церкви отнюдь не страдала той односторонностью, которую ей пытались приписать.

Необходимо заметить, что, конечно, церковь не была нейтральной в гражданском конфликте стороной – если понимать под нейтральностью равнодушие или равноудаленную от противников позицию. Уже “Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви” от 20 января 1918 г., лишавший ее движимого и недвижимого имущества, возможности преподавать основы религии детям и иметь законную иерархическую структуру, не мог расцениваться православными иначе, как попытка воплотить в жизнь идеи К. Маркса об исчезновении религии вслед за разрушением свойственного этой “надстройке” базиса.

Последовавшие за этим декретом постановления советского правительства об изъятии всех духовно-учебных заведений, о привлечении священнослужителей и монахов в тыловое ополчение, об упразднении церковей при государственных и общественных учреждениях лишь усилили убеждение верующих в том, что они являются нежелательными гражданами в новом государстве. По мере усиления противостояния православные христиане стали свидетелями откровенного террора, направленного в пер-

вую очередь против духовенства и монаршествующих. И хотя репрессии проводились не столько в рамках целенаправленной государственной политики, сколько в порядке “революционной инициативы” местных органов власти, а в прифронтовой полосе – Красной Армией, результаты их не стали от этого менее трагическими. По самым приблизительным, далеко не точным подсчетам не менее 28 архиереев, несколько тысяч приходского духовенства и 12 тыс. мирян стали жертвами антицерковного террора в разных областях страны.

В этой связи свидетельства о колокольных звонах при вхождении белых войск в населенные пункты, сотрудничестве церковных авторов и антибольшевистской периодике и даже о полковых священниках в отрядах белых армий, приводимые советскими исследователями, получают логическое объяснение. Приведенные факты говорят лишь об идейной поддержке белого движения отдельными представителями Церкви, и, конечно, не могут быть основанием для развернувшихся позже гонений на Православную Церковь в России.

В пересмотре нуждается и утверждение о большой значимости для белого движения поддержки со стороны духовенства и об ориентации его вождей на православие в поисках государственной идеологии. Лозунг защиты веры, видимо, зачастую играл для идеологов белых чисто пропагандистскую роль, будучи призванным обеспечить поддержку со стороны широких слоев населения, для которых принцип борьбы за “традицию” или “культуру” выглядел бы слишком абстрактным и малопонятным. В доказательство этой мысли можно привести следующее: как известно, большинство белых лидеров и значительная часть их сторонников в своих политических симпатиях редко заходили правее платформ кадетов или октябристов. Учитывая ту религиозную индифферентность, которая царила в среде российской интеллигенции, нельзя не усомниться в их серьезной приверженности линии на прочный и долговечный союз с православным духовенством. Отдельные исключения в среде белого генералитета, вроде генерала Дитерихса, лишь подтверждают общее правило. Неудивительно, что митрополит Вениамин (Федченков), представитель ВВЦУ при Совете министров Врангеля, с горечью отзывался о весьма низком уровне религиозности среди белогвардейцев, лишь немногие из которых воспринимали свою миссию как борьбу за идеалы христианства.

Если на территориях, занятых белыми, иерархия и духовенство зачастую открыто симпатизировали им, то патриарх Тихон избрал сам и ориентировал свою Церковь в сторону иного политического курса. Суть его выражалась в принципиальной аполитичности. Принцип “Церковь – вне политики” осуществлялся Тихоном вне зависимости от личных симпатий. Он основывался на видении Церкви как явления особого рода, чуждого любым явлениям и институтам политического порядка, могущего лишь потерять свою свободу от слишком тесного союза с ними. Подоб-

ные взгляды особенно распространялись в Русской Церкви в период, предшествовавший Собору 1917–1919 гг. Именно на их волне, при отталкивании от опыта синодального прошлого, было восстановлено патриаршество. Особую важность они приобрели во время братоубийственной гражданской войны, ставшей подлинной народной трагедией. Потому с такой настойчивостью нахождение Церкви вне борьбы политических сил и партий декларировалось патриархом в его посланиях. Из них особенно ярким является послание от 25 сентября, где говорится: “Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительно историческое значение”. Духовенству в послании решительно запрещалось приветствовать белые войска колокольным звоном, демонстрируя свое предпочтение одной из сторон. Заметим, что этот документ написан в те дни, когда успешно развивалось денкинское наступление на Москву. Таким образом, обвинения патриарха в оппортунизме того или иного рода снимаются автоматически.

Патриарх Тихон указывал на конечную тупиковость любого военного решения гражданского конфликта: “...Никто и ничто не спасет Россию от настроения... пока сам народ не ... возродится духовно в нового человека”. Мудрость патриаршей политики была впоследствии признана не только единомышленниками. “Я помню, – пишет Г. Н. Трубецкой, – как нас, стоявших тогда близко к Добровольческой армии, огорчило это послание Патриарха, но впоследствии я не мог не преклониться перед его мудрой сдержанностью: всюду, где епископы и священники служили молебны по поводу победоносного продвижения Добровольческой армии, духовенство принуждено было... спешно покидать свою паству к великому ущербу для церковного дела”. В связи со сказанным можно утверждать, что взгляды Патриарха по вопросу взаимоотношений с советским государством, составившие основу политики Церкви в последующие годы, сформировались именно в годы гражданской войны. Лишь несколько раз патриарх Тихон и Поместный Собор посредством своих заявлений входили в конфронтацию с советским правительством, причем необходимо признать, что эти конфликты возникали не по вине Церкви. Так, критика “Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви” была вызвана тем, что этот нормативный акт, непосредственно затрагивавший интересы Церкви, носил ярко выраженный дискриминационный характер, ограничивая основные права верующих. Два послания патриарха – в связи с подписанием Брестского мирного договора и годовщиной октябрьского переворота – на первый взгляд, выходят за пределы его непосредственной компетенции. Нужно, однако, помнить, что протест против политики большевиков и ее результатов возникал в самых широких слоях общества. Патриарх Тихон считал своим долгом “озвучить” его в условиях террора против инакомыслящих, снабдив его соответствующим церковным пояснением.

Примеры подобного поведения не единичны в истории Православной Церкви. Патриарх, следовательно, опирался на богатый опыт “печалования” иерархов перед правителями за страну и народ, и его действия (для него самого) естественным образом укладывались в традиционную систему понятий о долге священнослужителя, о норме его отношений между Церковью и государством. Трактовка деятельности Патриарха большевиками как заговорщической вытекала поэтому или из непонимания ее мотивов, или из того и другого вместе. Объективный наблюдатель не может не признать, что забота Тихона о защите справедливости не входила в противоречие с принципом невмешательства в политическую борьбу как фундамента его курса.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать некоторые выводы относительно позиции, занятой Церковью в годы гражданской войны. Подвергаясь преследованиям со стороны большевиков, она, казалось, должна была безоговорочно поддержать белое движение. Но, несмотря на наличие подобных, вполне объяснимых, тенденций у части православных, наиболее значительная часть епископов и духовенства поддержала патриарха Тихона в его стремлении подняться над обеими враждующими сторонами, имея своей целью способствовать установлению гражданского мира в России. Сформулированный в это нелегкое время патриархом Тихоном и развитый его приемниками принцип аполитичности Церкви на долгие годы стал основой ее существования в советском государстве.

Ю. В. Величко, Н. Н. Попов
Уральский государственный университет

Г. К. Жуков в отечественной истории (историография вопроса)

Имя Г. К. Жукова получило широкую известность в связи с событиями 1939 г. в Монголии в районе р.Халхин-Гол, где был дан отпор японским войскам. Во время Отечественной войны 1941–1945 гг. в открытой печати СССР Г. К. Жукову отводилось видное место. В центральных газетах неоднократно печатался его портрет. Материалы с упоминанием его фамилии содержат признание заслуг полководца перед Родиной, Коммунистической партией и Советским правительством. Вместе с тем материалов, посвященных только личности Жукова не публиковалось. Он неизменно упоминается вместе с другими выдающимися советскими маршалами и генералами, самое большее – как первый среди равно-усердных исполнителей воли “вождя всех народов” и Верховного Главнокомандующего Советской Армией. При этом роль Сталина чрезвычайно возвели-